

КОНФЕРЕНЦИИ

Моральная карьера исследователя-«качественника»

VII Международная научно-практическая конференция памяти А. О. Крыштановского «Методы и процедуры социологических исследований»

23–24 сентября 2016 г. Москва, Россия

КУСИМОВА Тамара Булатовна — студентка бакалаврской программы «Социология» факультета социальных наук, стажёр-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: tkusimova@yandex.ru

В Высшей школе экономики 23–24 сентября 2016 г. прошла VII Международная научно-практическая конференция памяти А. О. Крыштановского «Методы и процедуры социологических исследований». Главной задачей конференции стало обсуждение тенденций и проблем в современных методах сбора и анализа социологической информации, а также более широких вопросов, касающихся методологии и методов получения знаний о современном обществе. В рамках конференции была организована специальная секция, посвящённая проблемам методологии в качественных исследованиях. Участниками секции стали представители как Высшей школы экономики, так и других учебных заведений (МГУ, СПбГУ, МВШСЭН и др.). На секции были представлены доклады, посвящённые различным методам сбора информации в качественном дизайне — от фокус-групп до визуальных исследований и совмещения качественных и количественных методик. Кроме того, были и выступления, посвящённые исключительно теоретической рефлексии. В целом можно выделить несколько главных вопросов, которые в том или ином виде возникали при обсуждении всех докладов. Во-первых, это проблема доступа к труднодоступным информантам. Во-вторых, возможность генерализации результатов качественных исследований и повышения их валидности. В-третьих, была затронута тема исследовательской этики.

В работе секции приняли участие А. В. Ваньке (ИС РАН), Е. А. Здравомыслова (ЕУСПб), В. И. Ильин (СПбГУ), И. И. Козлов (ПСТГУ, ИС РАН), К. Моррисон (Мидлсекский университет, Великобритания), М. А. Подлесная (ПСТГУ, ИС РАН), М. В. Семина (МГУ), И. Н. Татарковская (ИС РАН), А. А. Тёмкина (ЕУСПб), И. Е. Штейнберг (МВШСЭН), С. С. Ярошенко (СПбГУ).

Ключевые слова: методы исследований; методология; этика; кейс-стади; интервью; визуальные исследования; критическая теория; гендерные исследования.

Современные качественные исследования причудливы в своём многообразии, а сфера их применения не ограничивается дисциплинарными рамками социологии. Широкий спектр методов — от фокус-групп до контент-анализа текстов или визуальных материалов — делает качественную методологию

применимой в прикладных маркетинговых исследованиях, психологии, педагогике и культурологии, а также во многих других отраслях. Кроме того, не секрет, что многим студентам (особенно тяготеющим к гуманитарным наукам) подобная деятельность кажется более привлекательной, чем статистический анализ.

Участник секции И. Е. Штейнберг (МВШСЭН) отметил, что наиболее распространённым исследовательским инструментом социолога-качественника по-прежнему является интервью в его разных формах — структурированное, биографическое, экспертное, фокус-группа и др. Примечательно, что социологи задают те же самые вопросы, что и социальные психологи или эксперты каких-либо рабочих групп. Качественное интервью по форме напоминает беседу, а по содержанию оно может быть, к примеру, сбором анамнеза болезни, допросом следователя, консультацией психотерапевта или журналистским расследованием. В чём же заключается специфический инструментарий именно социолога?

Разумеется, интерес к профессиональным навыкам социолога не праздный. Недостаточно быть знатком теории и обладать развитым социологическим воображением. «Если социология тебя не любит, то любовь к ней не поможет», — справедливо заметил докладчик. Помимо рефлексивных навыков, присущих всем исследователям в области социально-гуманитарных наук, удалось на основании опыта мастер-классов научно-образовательного центра при ИС РАН выделить 12 специфических навыков, необходимых, по мнению тех, кто заинтересован в повышении своей социологической квалификации, качественному исследователю. Общий признак всех этих умений — их сугубо прикладной характер, напрямую связанный с полевой работой. К необходимым навыкам относятся умение построить выборку, фиксировать первичные данные и тестировать первые гипотезы, вести полевой дневник, обосновывать выбранную теоретическую рамку для интерпретации исследуемых явлений.

Впрочем, пожалуй, наиболее желанным навыком, которому сложнее всего научить, выступает способность работать со сложным «полем» и труднодоступными респондентами. Сложности научения этому обусловлены тем, что доступ в поле зависит от умения налаживать связи с «гейткиперами» — людьми, которые могут обеспечить доступ к интересующей социальной группе или организации. От социолога в таком случае требуется не только понимание того, как функционирует интересующая его область социальной жизни, но и немалый дипломатический талант.

Трудности доступа и автоэтнография

Доклад М. А. Подлесной и И. И. Козлова, старших научных сотрудников факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), назывался «Заметки социолога, изучающего приходскую жизнь за рубежом» и был посвящён именно разбору специфических проблем, с которыми сталкиваются исследователи при попытке получить доступ к определённым группам информантов, и тому, какие навыки необходимы для преодоления этих трудностей.

Тему исследования можно разделить на несколько вопросов. Какова социальная структура православного прихода за рубежом? Какие поколения мигрантов составляют приход? Какова роль прихода в социализации мигрантов? Каков портрет православного священника за рубежом и какова его роль в формировании общины? Ключевой концепцией исследования стала теория социальной ниши, берущая начало в представлениях о «чужаке» и социальном пространстве, сформулированных классиком немецкой социологии Георгом Зиммелем. Идея социальной ниши позволяет учитывать внешние условия, в которых функционирует православный приход (наличие других — более крупных — конфессиональных объединений), описывать межприходские связи, играющие важную роль во взаимодействии между различными приходами, а также анализировать разделение на «своих» и «чужих» в рамках иностранного, иноязычного общества.

В рамках исследования были использованы три метода, каждый из которых можно отнести к качественной методологии: фокус-группы, глубинные интервью с прихожанами, а также экспертные интервью с архиереями, настоятелями храмов и другими клириками. В течение шести лет были собраны 157 глубинных интервью¹. Полевые работы были проведены в 20 приходах — в русскоязычных приходах Восточной и Западной Германии, Швейцарии, США, на Кипре и в Греции, в Белоруссии.

Наиболее проблемными частями исследования стали планирование поля, бюджета времени и установление доверительного отношения с настоятелями зарубежных православных храмов. Приход, по сути, представляет собой закрытую структуру, которая не открывается «чужакам». Исходя из этого, конфессиональный вуз (ПСТГУ), от которого проводилось исследование, вызывает больше доверия у православных прихожан. Кроме того, очевидно, что исследователи из православного вуза лучше разбираются в тонкостях христианской догматики и богословских терминах, знание которых необходимо для понимания специфики жизни информантов. При этом докладчики подчеркнули необходимость своего рода автоэтнографии — рефлексии над собственной ролью не только в качестве социального исследователя, но и православного верующего, чьи внутренние установки способны повлиять на отношение к аналитической работе.

Доступ к сложному «полю» приходилось организовывать через контакты с епархиями, открывая непосредственным участникам исследования статус социолога, внешнего наблюдателя. Подобная ситуация ожидаемо задаёт позицию «сверху»: далеко не все информанты готовы откровенно, без прикрас и умалчиваний делиться подробностями приходской жизни.

Для преодоления этой проблемы зачастую важнее всего было установить доверительные отношения с настоятелем прихода, сделав его своего рода членом исследовательской команды. Только в этом случае удавалось организовать фокус-группы и собрать глубинные интервью так, чтобы не было преднамеренного исключения «проблемных», плохо адаптировавшихся прихожан. Примечательно, что большинство прихожан воцерковились, уже начав жизнь за рубежом, — это довольно естественный процесс «заполнения ниши» в чужеродной среде, необходимый мигрантам для сохранения контакта с русскоязычным сообществом и культурой.

Представленный случай православных общин позволяет понять некоторые структурные особенности всех организаций, закрытых от «чужаков». К примеру, аналогичным «сложным» полем со специфическими ценностными установками и правилами поведения может стать медицинское учреждение, классический университет или частная школа. Таким образом, «уникальные» случаи позволяют выделить типичные черты, с помощью которых можно описывать другие социальные формирования.

Специфические исследования: кейс-стади и фотография

Более подробно переход от частных случаев к крупномасштабным социальным изменениям был затронут в выступлении Светланы Ярошенко, старшего преподавателя факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Доклад был посвящён исследованию стратегий выживания домохозяйств в условиях постсоциалистических трансформаций 1990-х гг.

Основной методологический вопрос при этом: можно ли изучать такое масштабное явление, как бедность, с помощью разбора отдельных случаев (кейсов)?

¹ Из них 70 — с настоятелями и клириками, 77 — с активными прихожанами, 10 — с архиереями, проведены 25 фокус-групп.

Само определение бедности оказывается неоднозначным: не всегда те домохозяйства, которые официальные статистические органы выносят за «черту бедности», в действительности ассоциируют себя с социально депривированными слоями населения. Официальная статистика, как правило, учитывает лишь официальные, декларируемые доходы. Однако период постсоциалистических рыночных трансформаций — это время взрывного роста неформального сектора экономики, невидимого для надзорных государственных органов. Кроме того, даже если домохозяйства действительно вынуждены «не жить, а выживать», далеко не все готовы примерить на себя эту роль и открыто признаться исследователям в недостатке материальных средств. Впрочем, среди тех, кто охотно принимает личину обделённых, может возникнуть так называемая «культура бедности».

Какой вывод можно сделать из сложившейся ситуации множества определений, объяснений и интерпретаций? Разбор отдельных кейсов домохозяйств, выживающих в тяжёлых экономических условиях, способен стать ключом к пониманию более глубоких социальных процессов, чем резкое уменьшение реальных доходов населения. Кейс-стади, как и другие качественные методы, не претендует на репрезентативность описываемых явлений, но позволяет с помощью анализа частных случаев взглянуть на ситуацию «изнутри» и выделить направления для более масштабных исследований социальной структуры.

Помимо доклада о кейсах, идея совмещения качественной и количественной методологии была реализована в докладе И. Н. Татарковской и А. В. Ваньке (Институт социологии РАН) «Карьера современного рабочего как биографический выбор». Методический дизайн этого проекта подразумевал как качественную, так и количественную часть. Особенность качественной составляющей заключалась в использовании специфического метода проективного рисунка: информантам, согласившимся на биографическое интервью, помимо подробного рассказа о своей жизни, нужно было выбрать один из восьми рисунков — условных «траекторий», наилучшим образом отображающих линию их жизни, либо самим нарисовать собственную линию. Всего было собрано 29 глубинных интервью, в рамках которых информанты двух разных поколений («отцы» и «дети») делились представлениями о своём профессиональном и личностном росте.

Наконец, наиболее «творческий» метод визуальной социологии был представлен в докладе профессора кафедры социологии культуры и коммуникации СПбГУ В. И. Ильина, посвящённом достоинствам и недостаткам визуальных данных в качественных исследованиях.

По мнению докладчика, очевидным достоинством работы с визуальными данными является то, что запечатлённый на фотографии образ выступает наиболее детальным отражением реальности, «слепок» с неё, зачастую более информативным, чем исследовательское интервью и тем более его интерпретация, представляющая собой фиксацию наблюдаемых процессов с помощью уже готовых понятий. Кроме того, нередко на фотографии удаётся запечатлеть то, что изначально не попадает в поле зрения исследования, особенно если объектом интереса становятся визуально насыщенные области вроде городского ландшафта или мероприятия с множеством участников. Интересующее событие бывает столь непродолжительным, что описать его по ходу нет возможности, но и запомнить массу мелочей, часть из которых может оказаться важными, нельзя. Фото- или видеосъёмка позволяет наблюдателю получить материал с множеством зафиксированных деталей.

Тем не менее, по мнению В. И. Ильина, визуальным исследованиям присущ «первородный методологический грех», напрямую связанный с описанными выше достоинствами. Во-первых, несмотря на свою детальность и полноту, визуальные данные тоже могут становиться источником множества интерпретаций одних и тех же явлений. Во-вторых, выбор кадров также может быть предопределён интересами фотографа. В кадр попадает только то, что представляется интересным исследователю,

поэтому может возникнуть ограничение, подобное описанному выше концептуальному ограничению с помощью предзаданных понятий: в сущности, любая съёмка представляет собой работу с предзаданными категориями, ведь любое визуальное исследование подразумевает кадрирование и отбор фото- и видеоматериалов, а то, что выпадает за рамки используемых категорий, оказывается в «слепой зоне» для исследовательской оптики.

По мнению докладчика, выход из противоречивой ситуации видится в триангуляции источников и исследователей.

При обсуждении доклада была поднята тема ограничений зоны фотосъёмки. Действительно, на многих интересных с социологической точки зрения пространствах (к примеру, в торговых центрах, офисах, музеях и на заводах) попросту нельзя пользоваться фото- или видеокамерами. Кроме того, далеко не каждый человек обрадуется, став вдруг объектом интереса неизвестного фотографа. Вопрос о вынужденном нарушении границ частной жизни подводит нас к теме исследовательской этики. Должен ли социолог руководствоваться принципами морали при отборе материалов для исследования? Моральная или политическая самоцензура может проявляться в виде как осознанного избегания «тяжёлых» социальных проблем, так и интернализированных установок на избегание некорректных вопросов. Аналогичная ситуация возникает с визуальными данными. Вторжение исследователя в личную жизнь человека через фотообъектив может быть даже более обширным, чем с помощью глубинного интервью, ведь собеседника-информанта можно оставить анонимным, а вот «обезличить» визуальный образ человека или какого-либо неприглядного события невозможно. Где же кончается исследовательская этика и начинается пространство личного морального выбора?

Критическая теория и этика заботы

Критический запал был поддержан докладом Е. А. Здравомысловой и А. А. Тёмкиной (Центр гендерных исследований ЕУСПб), посвящённым феминистским принципам полевой работы.

Если методология представляет собой теоретическую перспективу анализа социальной реальности, то, как уже было сказано выше, этические принципы исследователя и внутренняя самоцензура напрямую влияют на то, что в конце концов окажется оформлено как исследовательский отчёт или научная статья [Здравомыслова, Тёмкина 2014]. Исследования, затрагивающие проблемы гендера, так или иначе касаются отношений власти. Описание ситуации неравенства обладает большим потенциалом эксплуатации — положение с властью в семье, на рабочем месте или в любом другом социальном контексте можно подать как с критической точки зрения, так и с позиции сохранения статус-кво, и охарактеризовать как должное. Не осознавая этого, исследователь может стать одним из агентов эксплуатации. Возможно ли в этих условиях разработать особые методы исследования, позволяющие реализовать принцип эгалитарности в исследовательской ситуации?

Здесь докладчики обращаются к трансформационной парадигме производства знания, в рамках которой социальные исследования понимаются как просвещенческий проект в духе критической и публичной социологии Майкла Буравого. По мнению сторонников этой позиции, всякое исследование является идеологически и политически ангажированным; вопрос лишь в том, как исследовательская позиция может повлиять на положение угнетённых социальных групп². Основной принцип феминистской полевой работы — признание общего опыта и универсальности интересов всех женщин, положение которых можно улучшить с помощью нового знания (англ. *empowerment*) [Здравомыслова, Тёмкина 2014]. Так называемая стратегия голоса, предложенная британским социологом гендера Энн

² К которым относятся не только женщины; см. подробнее [Здравомыслова, Тёмкина, 2014].

Окли, заключается в фокусировании исследования на умалчиваемом опыте угнетения (женского и др.), зачастую воспринимаемом как нечто естественное.

Проект феминистской методологии является открыто политически ангажированным и нацелен на эмансипирующую функцию. Непосредственно исследование должно реализовываться при помощи так называемой *этики заботы*, подразумевающей существование эмоциональной работы, формирование доверительных отношений между исследователями и информантами. Участники становятся не просто пассивным источником информации, но играют более осмысленную и полноценную роль, позволяющую им наблюдать за процессом социологического исследования, влиять на конечную интерпретацию и публичную подачу результатов. За счёт этого, по мнению докладчиков, применение этики заботы позволяет установить эгалитарные отношения между социологом и интересующими его людьми, избавиться от предубеждений перед ролью учёного и избежать нарушения личного пространства участников исследования.

С одной стороны, подобные требования к методологии кажутся очевидными: сотрудничество с информантами делает работу более рефлексивной, так как социолог может понять ограничения и зависимость взглядов информантов и исследователей от определённого социального контекста [Здравомылова, Тёмкина 2014]. С другой стороны, подобные принципы выглядят несколько утопичными в глазах скептиков «из индустрии»: в России феминизм пока что мало представлен как в политическом, так и в академическом поле, а заказчики исследований слабо заинтересованы в критической оптике, отдавая предпочтение более «мейнстримным» позитивистским методам анализа.

Больше всего вопросов среди слушателей вызвало описание этики заботы. В основе принципа «не навреди» лежит ориентация на минимизацию ущерба участникам исследования. В то же время само определение вреда может быть истолковано по-разному — от угрозы безопасности или создания стрессовой ситуации до размытого понятия «эксплуатация информантов», когда отношение к ним продиктовано исключительно утилитарным интересом учёного в академической и финансовой выгоде от исследования. Следуя принципу «не навреди», исследователи, ориентированные на проблемы угнетённых слоёв, вынуждены были бы отказаться от множества сензитивных тем из-за потенциального вреда информантам. Не является ли этика заботы в таком случае существенным ограничением исследовательской деятельности?

Тема этики также была поднята ещё одним участником конференции — профессором Мидлсекского университета Клаудио Моррисоном, который задался вопросом о том, возможно ли в принципе полностью этическое этнографическое исследование, и попытался ответить на него в докладе «Моральность и политика в мире производства». Обращаясь к понятию «этика заботы», стоит учитывать специфический контекст англо-саксонских стран. Во-первых, этика заботы базируется на общепринятой западной концепции прав человека, предписывающей каждому индивиду естественные, данные от рождения права на жизнь, личную неприкосновенность, частную собственность и тайну частной жизни. Во-вторых, этичность подразумевается не просто как набор принципов, остающихся на совести учёного, но как профессиональная этика, зафиксированная в специальных протоколах, соблюдение которой контролируется внутри исследовательских организаций и на уровне более высокопоставленных надзорных структур.

Отдавая дань критическому подходу, стоит снова задаться вопросом, не является ли давление этических принципов попыткой присвоить результаты исследования и производить лишь «правильные» — с точки зрения признанной социальной науки — исследования, избегая сложных и неоднозначных результатов. Так, некоторые представители современной социальной философии относятся к этике заботы весьма скептически. В частности, французский теоретик Ален Бадью понимает этику заботы как по-

пытку создать «жертву» из участника исследования, нуждающуюся в защите и занимающую исключительно угнетённую позицию [Бадью 2006]. По мнению Клаудио Моррисона, часто под видом защиты социально угнетённых меньшинств продвигается идея, что проблемы существуют исключительно у исследователя, который своей деятельностью может нарушить субординацию между «жертвами» (как гендерных стереотипов, так и экономических обстоятельств) и «благодетелями», благотворительными фондами или государственными социальными организациями, нередко выступающими заказчиками исследований социально депривированных слоёв населения.

Можно привести достаточно много исследовательских ситуаций, которые неоднозначно трактуются с позиций этики заботы и принципа минимизации вреда для информантов. К примеру, в исследованиях карьерных стратегий женщин-инженеров информанты описывали регулярные эпизоды проявления «агрессии» и «унижения», исходящие от коллег мужского пола, что с точки зрения феминистской теории может быть истолковано как недопустимое «сексуальное домогательство» и очевидный барьер на карьерном пути сотрудников женского пола. Однако автор исследования, Жаклин Уоттс, избежала прямолинейной критики ситуации, прибегнув к скрупулёзному наблюдению: несмотря на негативный опыт на рабочем месте, женщины не воспринимали себя как «объект» или «жертву» и считали, что эти эпизоды лучше игнорировать, вырабатывая индивидуальные карьерные стратегии адаптации [Здравомыслова, Тёмкина, 2014]. Таким образом, восприятие положения женщин-информантов исключительно как «уязвимого» становится сильным упрощением. Положение людей может быть привилегированным в одном аспекте и уязвимым в другом; конфигурация властных отношений, как правило, оказывается гораздо сложнее, чем простая ситуация «властвующих» и «подчинённых».

Аналогичная ситуация возникает с вопросом предельной открытости целей исследования для всех его участников. По словам Моррисона, если бы он открыто говорил, от имени какой организации проводит свою этнографическую работу, то не получил бы и половины того, что удалось выяснить, немного «слукавив» в описании своих целей перед работниками интересующей его организации. Идеал эгалитарного сотрудничества и минимизация различий между профессиональным социологом и его респондентом утопичны ещё и потому, что зачастую только исследователь обладает особыми когнитивными, материальными и временными ресурсами, распоряжается временем взаимодействия и определяет цели исследования, и далеко не каждый информант действительно заинтересован в таком масштабном участии.

Что можно противопоставить этике заботы? По мнению докладчика и аудитории, существование универсальной этической теории для решения всех спорных вопросов внутри научного процесса невозможно. От общего стоит двигаться к частному, ориентируясь внутри каждой отдельной ситуации, возникающей в процессе полевой работы. В определённых ситуациях знание о несправедливости своего положения может лишь сделать информанта более уязвимым и «закрытым» для дальнейшего разговора с социологом. Кроме того, стоит тщательно следить за дистанцией между своими политическими (феминистскими или какими-либо другими) позициями и работой в поле, учитывая конкретный контекст каждого исследования [Здравомыслова, Тёмкина 2014].

* * *

Вопросы выбора метода исследования не должны сводиться к набору формальных процедур наподобие сбора интервью и кодирования. Кроме того, сохранение критического отношения к ремеслу социолога помогают распознавать те идеологические и этические допущения, которые имплицитно содержатся в выбранной методологии. В то же время работа в качественном исследовательском дизайне не подразумевает однозначного предпочтения данных методов количественным исследованиям. В сущности, как продемонстрировали некоторые из докладов, деление на «качественников» и «количественников»

выглядит архаичным и неуместным. Два разных дизайна исследования подразумевают различную информацию о социальной реальности, которая помогает получить более полное представление об интересующих социальных феноменах.

Литература

Бадью А. 2006. *Этика: очерк о сознании Зла*. СПб.: Machina.

Здравомыслова Е., Тёмкина А. 2014. Феминистские рефлексии в полевом исследовании. *Laboratorium*. 6 (1): 84–112.

CONFERENCES

Tamara Kusimova

Qualitative Research as a Moral Career

VII Annual Conference on Methods in Social Sciences

“Sociological Research Methods (A Tribute to Alexander Kryshstanovsky)”

September 23–24, 2016. Moscow, Russia

Kusimova, Tamara — MA student in Sociology; Research assistant at Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics, Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: tkusimova@yandex.ru

Abstract

The VII Annual Conference on Methods in Social Sciences “Sociological Research Methods (A Tribute to Alexander Kryshstanovsky)” was held from September 23 to 24, 2016, at the National Research University Higher School of Economics in Moscow. The aim of the conference was to highlight the main trends and challenges in methods for collecting and analyzing sociological data, as well as to discuss the most important issues concerning the methodology and methods of acquiring knowledge about modern society. A special section of the conference was devoted to the methodology in qualitative research. Several main issues were discussed, including

the validity of qualitative research results, gaining access to gatekeepers and hard-to-find informants, and ethical and moral dilemmas in field research.

The keynote speakers of the section were A. Vanke (Institute of Sociology Russian Academy of Science), E. Zdravomyslova (European University at Saint Petersburg), V. Ilin (Saint Petersburg State University), I. Kozlov (St. Tikhon’s Orthodox University, Institute of Sociology Russian Academy of Science), I. Kozina (National Research University Higher School of Economics), Claudio Morrison (Middlesex University, UK), M. Podlesnaya (St. Tikhon’s Orthodox University, Institute of Sociology Russian Academy of Science), M. Semina (Moscow State University), I. Tatarkovskaya (IS RAS), A. Temkina (European University at Saint Petersburg), I. Shteinberg (Moscow School of Social and Economic Sciences), and S. Yaroshenko (European University at Saint Petersburg).

Keywords: research methods; methodology; qualitative research; research ethics; case study; critical theory; feminist theory; visual sociology

References

Badiou A. (2006) *Etika: Ocherk o soznanii* [L’*éthique. Essai Sur La Conscience Du Mal*] (transl.-ed. V. E. Lapitskogo), St. Petersburg: Machina (in Russian).

Zdravomyslova E., Temkina A. (2014) Feministskie refleksii v polevom issledovanii [Feminist Reflections on Fieldwork]. *Laboratorium*, vol. 6, no 1, pp. 84–112 (in Russian).

Received: November 7, 2016.

Citation: Kusimova T. (2016) Moral’naya kar’era issledovatelya-“kachestvennika” [Qualitative Research as a Moral Career. VII Annual Conference on Methods in Social Sciences “Sociological Research Methods (A Tribute to Alexander Kryshstanovsky)”]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 5, pp. 138–146. Available at <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-5.html> (in Russian).